

«Не все шрамы можно залечить.
Некоторые из них слишком глубоки.
Даже для слез».

ЮСТИС РЕЙ

Духовка
Сильви
Плат
Кубт

LIKE
BOOK
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*

Рей, Юстис.

Р35 Духовка Сильвии Плат. Культ / Юстис Рей. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-182026-8

Меня зовут Флоренс Вёрстайл. Мой дом — город Нью-Йорк. У меня есть диплом Гарвардской юридической школы, престижная работа, полный холодильник виски и правила: не есть цитрусовые, не одалживать томик Шекспира, держать свободное место в первом ряду во время баскетбольных матчей, ходить в церковь. Но даже с ними мир рассыпается на части.

Сид Арго больше не приходит ко мне во снах. Я живу призраками прошлого. Но мне нельзя говорить об этом. Я не могу.

Я всего лишь хочу счастья своей сестре, но она осталась в Корке — городе моих кошмаров. Теперь всем заправляет доктор Йенс Гарднер.

Он знает все. Он спасает тела и души. Он хочет создать рай на земле. Но я не верю ему. Не верю, потому что он глава культа. И он хочет сделать меня его частью.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182026-8

© **Рей Ю., 2023**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026**

**Через пять месяцев после стрельбы
в старшей школе Корка**

Выигрыш сражения не означает победу в войне, но приближает ее. Отмена комендантского часа — важный шаг в становлении нового Корка.

Да, Флоренс, комендантский час тебя не страшил. Ничто не могло сдержать твой свободолюбивый нрав. Другим везло меньше. Помню, как юношей, которых видели на улице после заката, секли до крови. Мне тоже приходилось это делать, и за это ты можешь меня ненавидеть, но я не в силах изменить прошлое. Я не оставлял на их спинах живого места. В те годы я был молод и уязвим. В молитвах часто спрашивал Бога, зачем он избрал для меня путь священника, если я только и делаю, что выполняю обязанности мясника... Свои ответы я получил.

Теперь комендантский час в прошлом, но люди не выходят после десяти. Боятся. Не могу винить их в этом.

Патрик

Через семь месяцев после стрельбы в старшей школе Корка

Я предполагал, что после случившегося в Корке настанут нелегкие времена, однако к происходящему оказался не готов. Мы продолжаем нести потери. Урон будет огромным. Вероятно, Корк уже никогда не станет прежним. «Мы ведь этого и добивались, верно?» — подумаешь ты, но нет, грядущие перемены не облегчат мою задачу.

Люди привыкли притворяться, что все в порядке. Не будь я священником, поверил бы им, но исповеди говорят об обратном: они напуганы и хотят определенности. Лгать — страшный грех, но я беру его на себя, вселяя в них надежду, а правда в том, что я не в силах дать им желаемое.

Владелец деревообрабатывающей фабрики — сердца Корка — сильно взволновало случившееся. Они больше не верят в стабильность Корка и сокращают бюджет. Отсутствие денег и — как следствие — рабочих мест запустит эффект домино: зажиточные горожане уедут и увезут с собой признаки современной жизни — и без того немногочисленные кафе и магазины. Все потянутся за ними. После сокращений на фабрике половина города лишится работы. Те, кому есть куда ехать, уедут. Те, кто останется, впадут в отчаяние и ужас, но им будет некуда деваться. Город окажется в особенно уязвимом положении. Если он попадет в хорошие руки, то, возможно, все наладится. Если же нет, земля ока-

жется безлюдна и пуста. И будет тьма над бездною, и Дух Божий пронесется над водою¹ — город погрузится в хаос.

Ты, как и твоя мать, веришь, что Корт — духовка Сильвии Плат, однако должен тебя расстроить, несмотря на мои усилия, вскоре дышать здесь станет еще тяжелее. Грядут непростые времена, надвигается огромная волна, и неизвестно, когда она нас накроет, но точно накроет.

У меня на руках осталось немного козырей, но они есть. Главный из них — доверие горожан ко мне. Люди слушают, когда я отдаю приказы, и я продолжу это делать. Приложу все усилия, чтобы сдержать плотину. И вот мой первый наказ: не приезжай!

Флоренс, зная о твоей тяге к справедливости и безрассудным поступкам, я прошу тебя — что бы ни случилось! — оставайся в Кембридже, получай образование, делай добро, живи на земле и храни истину².

Береги себя.

Твой Патрик

---

¹ Слегка измененный стих из Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

² Псалом, 36:3: «Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину».

Пролог

ШОК

1

Через шестнадцать месяцев после стрельбы в старшей школе Корка

Тучи стущаются, жмутся друг к другу, затягивая и без того пасмурное небо. Мелкая морось бьет по машине. Лес, плотно обступивший дорогу, всеми оттенками зеленого проносится за окном. Однообразие ландшафта притупляет внимание, усыпляет. Зловещий вакуум — как в пустой бочке, как в духовке Сильвии Плат. Три слова, восемнадцать букв и сотни воспоминаний, которые до сих пор выжигают мозг, плавают в сознании, как трупы на поверхности гниющего залива. Корк — это место, точнее, предчувствие встречи с ним, делает меня слабее и одновременно сильнее — феномен, название которому я так и не придумала.

Год назад, собрав немногочисленные пожитки, я уехала из духовки прочь. Это было лучшим решением в моей жизни, мне хочется в это верить. В Кембридже среди студентов-сверстников, приехавших из обычных городов, я чувствую себя чужой, неправильной или, наоборот, чересчур правильной. Однако я всегда все схватывала на лету и умение сливаться с толпой приобрела еще в детстве — никто не знает, что со мной что-то не так. Оказавшись в Гарвардской юридической школе, я получила возможность стать кем-то новым, но стала тенью прежней себя, и в какой-то степени меня это устраивает.

В первый год обучения, пока остальные познавали радости студенческой жизни, я делала то, что у меня получается лучше всего: училась, превосходила ожидания профессоров настолько, что, порой казалось, они ненавидели меня за это. Теперь я могу сбавить обороты, но так или иначе я мечу очень высоко и верю, что в будущем благодаря полученному образованию смогу исправить мир, сделать его немного лучше. Я обещала и обязана сдержать слово. Не зря высшие силы (мне не нравится говорить «Бог» — с ним у нас напряженные отношения) оставили меня в живых, отняв у меня Сиду Арго навсегда.

За этот год не было ни дня, когда я не думала бы о нем. Сначала это были лишь мысли вроде тех, когда я пробовала десерт с цитрусовыми, а потом отодвигала от себя, вспомнив, что у Сиды на них аллергия. Но со временем мысли перетекли в образ жизни. Я живу с *ним* и за *него*. Пытаюсь его вернуть: никогда не пропускаю баскетбольные матчи и держу рядом с собой свободное место, отмечаю день рождения двадцать второго июня и выбираю в качестве десерта клюквенный пирог, работаю в благотворительном центре помощи глухим и храню томик Шекспира на прикроватном столике — никому не позволяю его трогать. Никогда не перехожу на бег и читаю «Коллекционера». Раз за разом. Раз за разом. И пусть Калибан поступает плохо, я понимаю его. Если бы только я знала, как все обернется, я тоже заперла бы Сиду в подвале и никуда не выпускала. Я вобрала бы его в себя: его душу, его сердце. Стала бы им, не раздумывая ни минуты. Но мои попытки тщетны. Он мертв, а я до сих пор цепенею, видя вдалеке рыжую макушку. Все надеюсь на что-то... Пресловутые высшие силы.

Особенно сильно я скорблю о нем вечерами, когда лежу в полумраке комнаты, которую делю с соседкой. Иногда она приглашает своего парня. Я ничего не имею против них, они мне безразличны, но, когда он обнимает и целует ее, забыв о моем присутствии, я жалею, что в общежитии нет устава,

запрещающего интимные связи на глазах у соседей. Я завидую — не тому, что у нее есть парень, а тому, что он жив, что они могут без опасения коснуться друг друга.

Как же я скучаю по нему.

Он приходит ко мне во снах. Мы болтаем часами обо всем на свете. Он счастлив. При жизни был не таким. Может, рад, что избавился от моего удушающего присутствия? Как бы там ни было, именно в такие минуты я ощущаю себя живой. Именно благодаря этим снам я не наложила на себя руки. Снам и учебе.

Юриспруденция — дело тонкое, а еще жутко скучное, но я знала, на что иду. Обучение дается мне нелегко, но я продолжаю прыгать выше головы. Не потому, что я обязана быть лучшей, но потому, что зубрежка помогает погрузиться в небытие — забыть о прошлом. Трудно читать кодекс по конституционному праву и труды древнегреческих мыслителей и при этом упиваться жалостью к себе и тем, как сложилась жизнь. В компании мертвых я провожу больше времени, чем в компании живых. Я тоже мертва. Вероятно, поэтому меня тянет к тому, что мертво, однако Корка не было в этом списке. До недавних пор.

Он умер, не дожив до рассвета, как и Сид. Я вижу в этом какой-то извращенный символизм. Говорят, он умер с моим именем на устах. Особых знаков в этом я не вижу — в этом я вижу опасность. Патрик был главой городского совета, священником церкви Святого Евстафия, преподобным, знавшим все законы и секреты. Моим отцом. Однако о последнем никто не знает, и я намерена сохранить тайну.

Новость о его смерти даже спустя время волнует меня с неутрачиваемой силой, да так, что перехватывает дыхание, будто нечто невидимое сжимает горло, пока глаза не влажнеют. *Ну вот опять!*

Я любила его, но признала это лишь сейчас. Целый год он писал мне письма: выверенные предложения, аккуратные буквы с завитушками, ровные строчки. После его смерти я

перечитала их десятки раз, но не нашла ответов, а вопросы были такими: за что? почему все, к кому я привязываюсь, умирают? кто проклял меня? как это прекратить? как спастись от этого?

Патрик был ужасно старомоден, поэтому отвергал звонки и сообщения — признавал только письма. Раньше казалось, что в нем говорит нереализованный писатель и мучительное одиночество. Теперь же я поняла, почему он делал это: в письмах есть душа. Мне становится немного легче, когда я притрагиваюсь к ним, чувствую запах и текстуру бумаги, когда снова и снова перечитываю, представляя, как он писал их у камина. Сгусток в оранжевом мареве. Вряд ли сообщения произвели бы такое же впечатление. Патрик был предусмотрительным, пожалуй, даже чересчур.

Я никогда не называла его отцом, а себя — его дочерью, боялась, что письма попадут в плохие руки — в Корке осмотрительность не бывает лишней, — но я жалею об этом. В английском существует множество простых слов: дорога, машина, дерево, стол, стул. «Папа» в их число не входит — оно острое, как бритва, и тяжелое, как топор. Оно убьет меня, если я произнесу его. Оно убивает меня, когда я думаю о Патрике.

Да, у нас было мало времени, но он успел стать моим... папой.

Как же я жалею, что не сказала ему об этом.

Сейчас его гроб засыпают влажной после дождя землей. Они похоронят его без меня — я узнала слишком поздно, чтобы приехать вовремя. Может, оно и к лучшему. Я хочу запомнить его здоровым, красивым, любящим. Живым. Патрик просил, чтобы я не приезжала, держалась от Корка подальше, однако пренебречь этой возможностью я не могу — желание попрощаться с ним слишком велико.

Мне это нужно.

Думаю, ему тоже.

2

Церкви Святого Евстафия не знакомо такое понятие, как время, для нее оно остановилось, а может, и повернулось вспять. Бело-серое здание с витражными окнами выглядит так же, как и в день, когда я увидела его впервые, только деревянный крест на верхушке треугольной крыши будто бы стал больше. Вероятно, я сошла с ума, но, клянусь, он смотрит на меня — взгляд его далеко не дружелюбен.

Сердце церкви, каким я всегда считала Патрика, больше не бьется, но ей нет до этого дела. Она стоит как ни в чем не бывало, с вызовом спрашивая: «И что ты мне сделаешь?» В самом деле ничего.

Церковь привязывает к себе, гипнотизирует, как заклинатель кобру, желая управлять и повелевать, дергать за ниточки, как марионетку, но я не сдамся. Смотрю на нее, как на давнего соперника, с вызовом и злобой. Ветер завывает, треплет волосы, саднит кожу, забирается под ветровку и водолазку, заставляя тело покрываться мурашками, — тоже за что-то злится на меня. Редкая морось быстро превращается в полноценный дождь. Но я не двигаюсь с места. Сид ненавидел дождь.

За что мне все это?

Прохожу по дорожке, усыпанной гравием, встаю на первую ступень. Их девять — как кругов ада у Данте. Если ад существует, на какой круг попал Патрик? На какой попаду я? Ставлю на девятый¹ — не вижу смысла мелочиться.

Запах ладана бьет в нос уже в притворе. За год я забыла, что запах может ранить. На столиках по обе стороны от двери в главный зал лежат стопки с самодельными листовками: почерк уверенный, с нажимом: «Приходите послушать Доктора. В нем наше спасение!» — складываю одну из них вчетверо

---

¹ Девятый круг предназначен для обманувших доверившихся: предателей родных, единомышленников и родины.

и прячу в карман. *Зачем?* Не знаю. Патрик писал мне о Докторе, но мало: он приехал в Корк около года назад, в то время когда многие бежали. Умение Доктора разбираться в людях помогло ему быстро завоевать доверие местных жителей. Патрик был не в силах признаться в этом, но они с Доктором негласно соперничали за власть. Теперь у него не осталось противников.

Если город попадет в хорошие руки...

В главном зале запах ударяет в нос еще сильнее. Тянет в висках, боль отдается в затылке. Тишина и мрак — здесь словно никогда не ступала нога человека. Через стекла едва пробивается свет, которого сегодня из-за туч и без того немного. В воздухе пляшут частички пыли. Расцвеченные витражами сводчатые потолки слегка напоминают черты лица и будто грозно сводят брови. Душат меня, как и распятие во главе алтаря. Если я не возьму себя в руки, они раздавят меня.

Может, оно и к лучшему?

Ряды скамеек похожи друг на друга, но для меня они разные. На этой скамье в последнем ряду я сидела в день похорон после стрельбы в школе Корка, мой взгляд был прикован к фотографии Сида Арго. Я помню тот день. Помню, как рыдали матери погибших и как Патрик раз за разом начинал успокоительную службу. Он говорил, что я унаследовала от него обостренное чувство справедливости, настойчивость, цвет волос и разрез глаз, но сейчас мне нужно от него лишь одно — стойкость, ведь я все еще рассыпаюсь на части, вспоминая тот день.

Третий ряд приковывает к себе невидимыми цепями — здесь я встретила Сида. Я опускаюсь на скамью, на то самое место, оборачиваюсь в глупой надежде увидеть его серо-голубые глаза. Пустота пронзает клинком. На несколько секунд я теряю способность дышать, хватаюсь за спинку скамьи перед собой, до боли сжимая ее. Дерево поскрипывает. Закрываю глаза и пытаюсь расслабиться, позволить себе вдохнуть.

Глубокий вдох.

Все это было на самом деле.

Глубокий выдох.

И я должна принять это.

Прошло так много времени, а душа до сих пор оголена, как плоть, с которой содрали кожу. Это ненормально — скорбеть так долго.

Значит ли это, что я ненормальная?

Главный зал церкви Святого Евстафия — минное поле. Я поднимаюсь и продолжаю путь. Иду медленно, не издавая ни звука, но все равно подрываюсь на минах. Когда я достигаю алтаря, от меня ничего не остается. Ошметки души. Окровавленное сознание. Раздробленные в порошок надежды. Ни капли достоинства. Я падаю на колени перед алтарем, хотя не нуждаюсь в молитве. Делаю как Патрик. Все, что мне от него сейчас нужно, — это стойкость. Когда он молился в церкви, то делал это именно тут. Именно так. Наивно полагаю, что, прикоснувшись коленями к полу, я почувствую связь с Патриком, однако ничего не происходит. С презрением поднимаю глаза на распятие.

— Ты жалок.

— Тебя тоже наказали? — вопрос разносится эхом по залу.

Я оборачиваюсь. Внутри все болезненно натягивается, как струны гитары, и обрывается, когда я вижу его.

— Питер?

Прошел год, а схожесть этих серо-голубых глаз с глазами его брата все еще приносит мне боль. Строгий костюм и кипенно-белая рубашка превращают Пита в маленького мужчину, хотя он почти не изменился, только вытянулся.

Я встаю с колен, а он наблюдает за мной со снисходительным безразличием, но потом я понимаю: это не безразличие — это страх. Неужели я для него лишь воспоминание того времени, когда умер Сид? Едва ли я могу просить большего.

— Я Флоренс. Ты меня помнишь?

В его лице что-то меняется, трескается, как стекло при резком перепаде температур. Он хмурится, уставившись на носы запачканных туфель.

— За что тебя наказали?

— Я разбил стакан в доме преподобного. Не специально. Папа отправил меня сюда, сказал ничего не трогать.

— Это ведь не значит, что нам нельзя поговорить?

Он задумывается, но в итоге просто пожимает плечами. Я устраиваюсь на скамье в первом ряду. Он медлит, но все же садится рядом, немного дальше, чем я рассчитывала, но это меньше, чем от Кембриджа до Корка.

Не могу отвести от него взгляда. Сид.

Он не Сид!

Знаю, что не Сид, но становлюсь непривычно мнительной, ранимой, внушаемой, верящей в волшебство и магию. В венах этого мальчишки та же кровь, что текла по венам Сиды, и пусть они не похожи как две капли воды, но во мне тлеет глупый огонек надежды. Кажется, все поправимо. Стоит подождать, и Сид снова предстанет передо мной в инопланетном великолепии. Я прикрываю глаза на миг, прячусь под веками в попытке отогнать дурные мысли.

Пит замирает, подавленный, притихший, закрытый — раньше он не был таким.

— Не знаю, помнишь ли ты, когда-то я давала тебе визитку со своим номером, — голос звучит гулко в стенах пустой церкви.

Он мычит в ответ.

— Ты постеснялся позвонить, да? — губы невольно расплываются в улыбке.

— Нет, я собирался. — Он смотрит на меня, но тут же отводит взгляд. — Папа забрал. Говорит, звонки дорогие.

— Неправда. Джейн и Молли часто звонят мне.

Он едва слышно хмыкает.

— Отчего такой угрюмый?